

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ КОРОСТЕЛЕВ

(11 января 1959 – 20 марта 2020)

I

Если начать с нашей первой встречи с Олегом Анатольевичем Коростелевым, то нить протянется к тому, кто нас познакомил, – Рашиту Янгирову. Они оба работали тогда в Доме русского зарубежья. Разные интересы, разные темпераменты, но объединяло их стремление соединять людей, создавать в культуре некое поле единомышленников, потенциал «сеятелей», которые бы понимали друг друга, помогали друг другу и постоянно это поле расширяли. Рашит ушел уже давно. А теперь вот мы простились и с Олегом Коростелевым.

Не помню точной даты нашего знакомства, было это в 90-х, мы созвонились и встретились в каком-то кафе на Аэропорте. Я только еще начинала заниматься русской эмиграцией, в 1993 случайно попала по гранту на 3 недели в Оксфорд, в библиотеку Bodleian. Вряд ли грант предполагал работу в ее рукописном отделе, но мне было интересно поискать там русские фамилии. Так я начала заниматься архивом Бориса Элькина и его богатой перепиской; так я нашла архив приехавшего из Тарту эмигранта Сергея Большакова, что позже помогло мне написать статью о русских фашистах в Эстонии и в Харбине (см.: Белобровцева 1996: 154–186). Там оставались неразобранные (и по сей день) архивы Коновалова и Унбегауна. Словом, я только начинала. Коростелев по виду показался мне тоже начинающим – выглядел он не по-московски, чуть смущенно говорил о работе ради денег в глянцевого журнале. И до меня не сразу дошло: в чем в чем, а в эмигрантских студиях он мне сто очков вперед даст. Но дошло. А он вздохнул и говорил о планах – собрания сочинений, издание переписок, текстологические работы, «Диаспора», обновление «Литературного наследства»...

И главное: все, о чем он тогда говорил, или уже сделано, или делается. В ближнем кругу я называла его «человек-НИИ». Кто еще

смог бы столько сделать. Жалоба у него всегда была одна и та же: не хватает людей, некому работать. В последнюю нашу встречу он сказал: «Мы всегда подавали 5 заявок на проекты – давали 2 гранта, максимум 3. А в этом году попросили 6 – и дали 6. Что делать? Людей не хватает».

Мы никогда не были соавторами, но он публиковал меня в «Диаспоре». Мы расходились в мнениях о Леониде Зурове, спорили, он говорил: а вот некоторые вспоминали, как он плохо обращался с... Я закипала: а к чему слушать «некоторых»? Он говорил: а вот он продал архив Бунина. И даже однажды написал именно так: продал. И я звывала к третейскому суду Ричарда Дэвиса, которого он бесконечно уважал и который отвечал: нет, ничего он не продавал, завещал архив близкому человеку, Милице Грин. Тогда Коростелев отступал, даже сожалел, что не проверил.

В первых двух томах серии «Бунин. Новые материалы» я участвовала публикацией переписки И. А. Бунина с Л. Ф. Зуровым (в первом томе третьим участником этой переписки была Г. Н. Кузнецова; во втором – В. Н. Бунина), Олег Коростелев был составителем и редактором вместе с Ричардом Дэвисом. Это была интереснейшая работа не только потому что делала я, но, прежде всего, по самому устройению: как только у кого-то возникал вопрос, на который он не знал ответ, Коростелев или Дэвис задавали этот вопрос всем остальным. Снова – поле единомышленников.

Он привлек меня к работе над историей журнала «Современные записки». Это был грант немецкого исследователя Манфреда Шрубы, который они вели вдвоем. Мы встречались в Бохуме на семинарах, и на заключительном фуршете разговор зашел уже о следующем проекте Манфреда Шрубы – псевдонимах русского зарубежья. Работы было – непочатый край. Вернее, початый, но только с краешка. И эта малость Коростелева огорчала.

Это был редкий человек: кажется, без остатка предан науке, не ангажирован, с глубинной культурной памятью, наделенный профессиональной совестью и фантастической работоспособностью. Вбивая в поиск emigrantica.ru, я всякий раз столбенею: как ему

это удалось? Да, я знаю людей, которые в чем-то ему помогали, присылали данные по своим странам, но ведь не столько же. Каждый раз, когда я смотрю на планы, которые он на годы и годы вперед составил для «Литературного наследства» (в редакционный совет которого он меня пригласил), я думаю: сколько же лет жизни он себе отводил?

Но в том-то, наверное, и секрет Олега Коростелева, что он об этом не думал, – он работал.

Вот она, беда, моя и многих других. Вот уж кого жаль.

Наверное, Таллинн был одним из последних мест, где он побывал – был у нас дискуссантом на конференции молодых филологов. Все мы знали о его болезни, и все видели, как он держится – словно ничего такого нет. Мы намечали планы на будущее; ругали студентов, которые не хотят заниматься кропотливым архивным и издательским трудом; впрочем, выступавшие на конференции студенты ему понравились, это сразу было видно: он сыпал идеями, предлагал подумать над этим и над тем... Это был февраль. А до февраля мы виделись на конференциях в Вене и в Риге, почти подряд. И всякий раз брезжила надежда, что обойдется, что вылечат, прооперируют.

А потом пришла страшная новость. Его уход, как это обычно бывает с людьми такого масштаба, обнажил целую область науки. И по откликам на мой пост в Фейсбуке, таким, например: «Эх... У нас с ним тоже было некоторое количество планов. Я был в сентябре в Москве и случайно с ним разминулся – не встретился... По телефону я ему сказал, что не страшно, в следующий раз...»; «Да уж, мы только начали, не знаю, как теперь и кто теперь...»; «“Лит. Наследство” осиротело»; «Масштаб его личности и исследований ощущался даже в таких далеких от его специализации областях, как мои» и т. д., я поняла: поле есть, и сеятели есть, но кто пойдет впереди?

И. З. Белобровцева
(Таллинн)

II

С того злополучного утра 20 марта, когда не стало Олега Коростелева, минуло три четверти года. Срок в наше быстротекущее время немалый, однако до сих пор невозможно ни поверить в реальность утраты, ни смириться с жестокой несправедливостью судьбы, вопреки всем надеждам так трагически рано вырвавшей его из жизни. Остались незавершенными многие проекты, не будет больше подготовленных им к изданию книг, новых планов и новых открытий. Уход Олега – потеря для гуманитарной науки, отечественной и не только, невозполнимая, о чем писали все авторы появившихся в первые дни после его смерти некрологов и развернутых мемуарных текстов (см., например, посвященный его памяти раздел «In memoriam» в пятнадцатом номере основанного им журнала «Литературный факт»).

Потеря невозполнима и в сугубо человеческом смысле: в Олеге удивительным образом сочетались исследовательская строгость к себе и к другим, высочайший профессионализм, непримиримое отношение к любой «халтуре» с научной и человеческой щедростью, увлеченностью своим делом и редким умением увлекать этим делом других, собирая вокруг себя единомышленников. После его смерти образовалась огромная лакуна, заполнить которую физически невозможно – смерть необратима, но можно противопоставить этому ощущению пустоты сохраненные воспоминания об Олеге Анатольевиче Коростелеве – человеке и ученом, о сотрудничестве и встречах с ним, которых, как представлялось, будет еще немало в будущем и самая возможность которых после 20 марта осталась в прошлом. В воспоминаниях – утешение оставшихся, поэтому все, кому посчастливилось знать Олега и работать с ним, хранят память об этих встречах и наверняка еще не единожды воплотят ее в Слове.

У нашей первой встречи была довольно долгая предыстория. В 1997 году я, благодаря гранту фонда Фулбрайт, провела восемь месяцев в Америке, где работала с эмигрантскими собраниями в нескольких университетских архивах, собирая материалы для

задуманной книги о Союзах русских писателей в различных центрах рассеяния, для чего пришлось «насквозь» просматривать многие фонды. Одной из самых значимых находок оказались хранящиеся в собрании Бахметевского архива письма давно любимого и высоко ценимого мною Георгия Адамовича. К сожалению, архивные правила позволяли копировать материалы того или иного собрания лишь частично, но мне удалось сделать полный компьютерный набор писем Адамовича А. Бахраху, Л. Червинской, А. Полякову, В. Яновскому и А. Даманской с намерением их опубликовать. В 1998 году в петербургском издательстве «Алетейя» вышли в свет подготовленные Олегом Коростелевым первые два тома собрания сочинений Адамовича; я позвонила издателям, чтобы узнать, предполагается ли публиковать его эпистолярное наследие, и мне посоветовали спросить об этом у составителя, сообщив номер его телефона. В первом же разговоре сделалось очевидным сходное отношение обеих договаривающихся сторон к Адамовичу, обоюдное понимание его значимости для эмигрантской культуры и ценности писем как источника для ее изучения и, следовательно, необходимости их публикации «по максимуму». Мне хорошо запомнилась искренняя радость Олега при известии, что у меня есть набор пяти эпистолярных корпусов, и сожаление по поводу того, что их всего пять. Думаю, с полным основанием можно считать Георгия Адамовича косвенным «виновником» нашей с Олегом встречи и знакомства, которое на протяжении следующих двух или трех лет оставалось исключительно телефонно-виртуальным. По телефону мы договаривались о технических деталях и о своего рода курьерской доставке: благодаря дружеской любезности куратора Бахметевского архива Тани Чеботарев мне удалось получить микрофильмы писем, которые я с оказией передала в Москву Олегу. По электронной почте обсуждали детали текстологические, далеко не во всех случаях соглашаясь друг с другом, и принципы комментирования, восходящие к принятой в «Минувшем» Владимира Аллоя практике, которую мы оба считали лучшей из возможных. Кроме того, я на протяжении едва ли не года частями пересылала Олегу комментарий; с чем-то

он сразу соглашался, чего-то поначалу не принимал, предлагая свой вариант и непременно стараясь его обосновать, но не выступая с позиции истины в последней инстанции и оставляя возможность для продолжения коллегиального диалога «во имя общего дела».

А встретились мы, наконец, в апреле 2001 года на Смирдинских чтениях в Публичной библиотеке. К тому времени прекратилось «Минувшее», вышел первый том «Диаспоры» и ушел из жизни Аллой, завещав (или передав по наследству?) «Диаспору» Олегу. Во время одного из конференционных перерывов, собравшись в кофейне неподалеку от публичной библиотеки, мы – Олег, вдова Аллой Татьяна Притыкина, я и еще два-три предполагаемых автора – обсуждали очередной готовившийся том альманаха. И была очевидной убежденность Олега в том, что его нужно сделать достойно, чтобы оправдать доверие основателя; чувствовалось, что Олег этим доверием горд и понимает, какая на нем лежит ответственность; кроме всего прочего, была явной его радость от общения с теми, кто близок ему по духу.

Потом были встречи, вечерние прогулки и долгие разговоры на конференциях и семинарах в России и за ее пределами. Под одной обложкой журналов, конференционных сборников и коллективных монографий. Случайные и всегда радостные «совпадения» в библиотеках, архивах и на листах использования. Немногочисленные телефонные разговоры и переписка по электронной почте. Подаренные друг другу книги.

В последний раз мы виделись в декабре 2019 года на конференции в ИМЛИ. Расставаясь в конце дневного заседания, простились «до следующей встречи».

В воспоминаниях Марии Васильевой о совместной с Олегом и фотографом Светланой Урбан блиц-поездке в Париж в августе 2017 года есть прекрасная фотография: Олег за столиком в знаменитом «Клозери де Лиля», завсегдатаями которого были многие его герои и самый любимый из них – Георгий Адамович (см.: Васильева 2020: 493). Фотография совершенно «метафизическая», поразительно точно передающая полноту семиотического соответствия

атмосферы места душевному состоянию Олега – внешне и внутренне собранного, подтянутого, удивительно красивого. Действительно очень похожего на Адамовича. Словно говорящего с ним и с Вечностью.

О. Р. Демидова
(С.-Петербург)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белобровцева И. З. 1996. Русская эмиграция: Ось Тарту – Оксфорд – Харбин. – Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. [Вып.] 1. Таллинн: Авенариус. С. 154–186.
- Васильева М. 2020. Короткое лето 2017-го. – Литературный факт. № 1 (15). С. 490–494.

REFERENCES

- Belobrovtsseva, I. Z. “Russkaia emigratsiia: Os’ Tartu – Oxford – Harbin.” In *Baltiiskii arkhiv: Russkaia kul’tura v Pribaltike*. Vol. 1, 154–86. Tallinn: Av-enarius, 1996.
- Vasil’eva, M. “Korotkoe leto 2017-go.” *Literaturnyi fakt* 15, no. 1 (2020): 490–94.